

Н. Ф. БУДАНОВА

ДИАЛОГ С АВТОРОМ «НОВИ» В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»
ЗА 1877 г.

Краткий отзыв Достоевского о романе «Новь», нередко цитирующийся исследователями Тургенева, никогда не рассматривался в связи с общим контекстом «Дневника писателя» за 1877 г. Однако лишь изучение контекста позволяет понять причину неприятия Достоевским «Нови» и выявить скрытую полемику с ее автором на страницах «Дневника писателя».

Достоевский откликнулся на выход первой части «Нови» («Вестник Европы», 1877, № 1) сразу же в январском выпуске своего «Дневника» (см. главку «Русская сатира. „Новь“. „Последние песни“. Старые воспоминания): «Прочел „Новь“ Тургенева и жду второй части <...> Об „Нови“ я, разумеется, ничего не скажу; все ждут второй части. Да и не мне говорить. Художественное достоинство созданий Тургенева вне сомнения. Замечу лишь одно: на 92 странице романа (см. «Вестник Европы») сверху страницы есть 15 или 20 строк, и в этих строках как бы концентрировалась, по-моему, вся мысль произведения, как бы выразился весь взгляд автора на свой предмет. К сожалению, этот взгляд совершенно ошибочен, и я с ним глубоко не согласен. Это несколько слов, сказанных автором по поводу одного лица романа, Соломина» (25, 27—28).

Указание Достоевского позволяет точно установить то место первой части «Нови», в котором автор «Дневника писателя» усмотрел «всю мысль», т. е. основной идейный смысл, романа Тургенева. Речь идет о характеристике Соломина: «Соломин не верил в близость революции в России; но, не желая навязывать свое мнение другим, не мешал им попытаться и посматривал на них — не издали, а сбоку. Он хорошо знал петербургских революционеров и до некоторой степени сочувствовал им, ибо был сам из народа; но он понимал невольное отсутствие этого самого народа, без которого „ничего ты не поделаешь“ и которого долго готовить надо — да и не так и не тому, как те. Вот он и держался в стороне — не как хитрец, а как малый со смыслом, который не хочет даром губить ни себя, ни других. А послушать... отчего не послушать — и даже поучиться, если так придется».¹

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч., т. XII. М.—Л., 1967, с. 112—113. Далее в настоящей статье ссылки на это издание

С удивительной проницательностью Достоевский связал идейный смысл «Нови» с образом Соломина, в котором он угадал центрального героя романа — и это лишь по прочтении первой части «Нови», когда образ Соломина еще только начал вырисовываться.

Существенно, что Достоевский признал бесспорное художественное достоинство «Нови». На это указывает не только прямая фраза в отзыве («Художественное достоинство созданий Тургенева вне сомнения»), но и предшествующая отзыву в тексте «Дневника» высокая оценка русской литературы за последние сорок лет (Достоевский оспорил мнение критики об общем упадке и застое русской литературы): «А в сущности в эти сорок лет явились последние произведения Пушкина, начался и кончился Гоголь, был Лермонтов, явились Островский, Тургенев, Гончаров и еще человек десять, по крайней мере, преталантливых беллетристов. И это только в одной беллетристике! Положительно можно сказать, что почти никогда и ни в какой литературе, в такой короткий срок, не явилось так много талантливых писателей, как у нас, и так сряду, без промежутков» (25, 27).

Достоевский поставил Тургенева в один ряд с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Островским и Гончаровым, и этому не помешало в целом отрицательное впечатление от «Нови».

Отзыв о второй части «Нови» в «Дневнике писателя» так и не появился, и мысль Достоевского об ошибочности основной идеи «Нови», связанной с образом Соломина, не получила прямого авторского раскрытия и разъяснения. Однако Достоевский не только внимательно прочел весь роман Тургенева, но и дал на страницах «Дневника писателя» за 1877 г. недвусмысленный ответ на него, прибегнув к художественному приему скрытой полемики.

Диалог Достоевского с автором «Нови» касался ключевых проблем пореформенной России. Пути русского прогресса и его движущие силы, задачи и формы сближения интеллигенции и народа, перспективы развития России и ее отношение к Европе — вот те основные проблемы, которые волновали обоих писателей и которые получили своеобразное отражение в «Дыме» и «Нови», с одной стороны, в «Бесах» и «Дневнике писателя» 1876—1877 гг. — с другой.

Первый номер «Вестника Европы» с публикацией начала тургеневской «Нови» вышел в свет 1 января, а цензурное разрешение на январский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. поме-

(в 28 томах) даются в тексте (тома сочинений — Т, Соч., тома писем — Т, Письма) с указанием римской цифрой тома и арабской — страницы.

чено 31 января. Достоевский, по всей вероятности, прочитал первую часть «Нови» сразу же после ее опубликования.

Есть основания предположить, что скрытая полемика с Тургеневым содержится уже в начальных главках январского выпуска «Дневника писателя», предшествующих той главке, откуда выше был приведен отзыв Достоевского о «Нови».

В этих главках, посвященных «текущей действительности», уже встречаются отдельные полемические выпады, относящиеся к автору «Нови» и ведущие к главке «Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающие делать луну в Гороховой», в которой скрытая полемика с Тургеневым получила свое кульминационное развитие.

Попытаемся обнаружить эти скрытые намеки.

Русский солдат Фома Данилов, зверски замученный турками, но не отрекшийся от своей веры (о его героической смерти Достоевский узнал из газет), символизирует для писателя русский народ, его необъятные духовные силы. Это «эмблема России, всей России, всей нашей народной России, подлинный образ ее, вот той самой России, в которой циники и премудрые наши отрицают теперь великий дух и всякую возможность подъема и проявления великой мысли и великого чувства» (главка «Фома Данилов, замученный русский герой» — 25, 14). Нам, добавляет Достоевский, имея в виду русскую интеллигенцию, «вовсе и нечему учить такой народ»: «Я, разумеется, не про ремесла говорю, не про технику, не про математические знания <...> Нравственное-то, высшее-то что ему передадим, что разъясним и чем осветим эти „темные“ души <...> Ну, чему же, наконец, мы научить можем? Мы гнушаемся, до злобы почти, всем тем, что любит и чтит народ наш и к чему рвется его сердце» (25, 16).

Реплику о «циниках» и «премудрых», не верящих в духовные силы народа, Достоевский адресует прежде всего Тургеневу, избравшему в «Нови» спящую непробудным сном народную Россию. В автора «Дыма» метят также излюбленные рассуждения Достоевского о народе как носителе высшей нравственной правды, которую давно утратила увлеченная ложным европеизмом русская интеллигенция и которую ей не заменят высшие достижения европейской цивилизации в области науки и техники.

В главке «Примирительная мечта вне науки» Достоевский выдвигает в качестве «высшей русской национальной идеи», органически присущей русскому народу и способной примирить западников и славянофилов, идею «всемирного общечеловеческого единения».

Необходимое условие для подобного примирения — обретение русской интеллигенцией национального лица, утраченного ею в процессе длительной европеизации России. Каждому необходимо «стать русским, т. е. самим собой». «Стать русским значит перестать презирать народ свой <...> Став самим собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы по-

лучим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина» (25, 23).²

В главке «Старина о петрашевцах» Достоевский характеризует деятелей русского революционного движения, начиная с декабристов и кончая современными участниками «хождения в народ» (последних, вероятно, под свежим впечатлением от прочитанной первой части тургеневской «Нови»).

В целом тип русского революционера XIX в., по мнению Достоевского, является свидетельством крайнего разобщения интеллигенции с народом, причем это разобщение все возрастает. Современный русский революционер (т. е. народник) до того далек от народа, что «оба они друг друга уже совсем, окончательно не понимают: народ ровно ничего не понимает из того, чего те хотят, а те до такой степени раззнакомились с народом, что даже и не подозревают своего с ним разрыва (как все же подозревали, например, петрашевцы), напротив, не только прямо идут к народу с самыми странными словами, но и в твердой, блаженной уверенности, что их непременно поймет народ» (25, 26).

Мысль о непонимании народниками народа, той почвы, которую они собираются возделывать, о трагической обреченности их дела (при горячей симпатии к личностям молодых революционеров) отчетливо выражена уже в первой части «Нови». Эта мысль тургеневского романа, казалось бы, должна быть близка Достоевскому. Очевидно, оба писателя сходятся на том, что революционеры-народники — не те люди, которым дано поднять и обновить народную «Новь». Однако в отличие от Тургенева Достоевский не признал этого права и за «серым», «простым», «хитрым», «народным» Соломиным, которого он также не пожелал отнести к числу людей, уже понимающих «народ и почву свою» (25, 26). Это свидетельствует о серьезных расхождениях писателей в представлениях о русских деятелях и характере их деятельности в народе.

Февральский выпуск «Дневника писателя» открывается загадочной главкой «Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающие делать луну в Гороховой. Один из неизвестнейших русских великих людей». ³ Какой смысл имеют и в кого метят эти иносказательные сатирические образы?

Обратимся к тексту главки. Национальный подъем, охвативший Россию в 1876 г., ее готовность защитить южных славян от угнетателей-турок Достоевский расценивает как осознание русским народом своей высокой миссии всечеловеческого служения.

² Напомним, что для автора «Дневника писателя» Потугин — собирательный, обобщенный образ западника-космополита, утратившего национальное лицо и презирающего свой народ.

³ Цензурное разрешение на февральский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. помечено 4 марта; следовательно, Достоевский к этому времени уже успел прочесть вторую часть «Нови», опубликованную в самом начале февраля 1877 г., и получил представление о романе в целом.

Этой готовности России к всечеловеческому служению не заметили «самозванные пророки», сумевшие увидеть современную Россию лишь в кривом зеркале, где она предстала перед ними как некое фантастическое «спящее, гадкое, пьяное существо, протянувшееся от Финских хладных скал до пламенной Колхиды, с колоссальным штофом в руках» (25, 38). Причина незнания России «самозванцами пророками» — «„просвещенный“ европейский наш взгляд на Россию» (там же).

Гротескный образ России в процитированных выше строках Достоевского представляет собой контаминацию двух образов России — тургеневского (стихотворение «Сон» из «Нови») и пушкинского («Клеветникам России»).⁴ Эта контаминация, как увидим далее, отнюдь не случайна, а имеет глубокий символический смысл.

Приведем текст (сокращенный) упомянутого стихотворения Тургенева по публикации «Вестника Европы», выделив курсивом те строки, которые Достоевский использовал в пародийных целях.

«СОН» («Новь» Тургенева)

Давненько не бывал я в стороне родной...
Но не нашел я в ней заметной перемены.
Все тот же мертвенный, бессмысленный застой,
Строения без крыш, разрушенные стены,
И та же грязь, и вонь, и бедность, и тоска!
И тот же рабский взгляд, то дерзкий, то унылый...
Народ наш вольным стал; и вольная рука
Висит по-прежнему какой-то плеткой хилой.
Все, все по-прежнему... И только лишь в одном
Европу, Азию, весь свет мы перегнали...
Нет! Никогда еще таким ужасным сном
Мои любезные соотчичи не спали.

< >
Один кабаk не спит и не смыкает глаз,
И, штоф с очищенной всей пятерней сжимая,
Лбом в полюс опершись, а пятками в Кавказ,
*Спит непробудным сном отчизна, Русь святая!*⁵

Смысл иносказательного заголовка «Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающие делать луну в Гороховой» — в упреке Тургеневу (а это он в первую очередь относится к «самозванным пророкам»), сумевшему увидеть лишь спящую непробудным сном Россию (сон в данном случае символизирует не только повальное пьянство народа, но и его общественную, нравственную пассивность) и проглядевшему другую Россию, воодушевленную великой идеей братского служения. «Видите ли, — продолжает Достоевский свое иносказание, — тут дело в том, что наш европеизм и „просвещенный“ европейский взгляд наш на

⁴ Независимо от нас эту контаминацию отметил также А. И. Батюто в комментарии к «Дневнику писателя» за 1877 г.

⁵ Ср. у Пушкина: «Или от Перми до Тавриды, От финских хладных скал до пламенной Колхиды <...> Не встанет русская земля?».

Россию — это все та же еще луна, которую делает все тот же самый заезжий хромой бочар в Гороховой, что и прежде делал, и все так же прескверно делает, что и доказывает поминутно; вот он и на днях доказал: ⁶ впредь же будет делать еще сквернее, — ну и пусть его: немец, да еще хромой, надобно иметь со-страдание» (25, 38).

Расшифруем это загадочное иносказание, также адресованное Тургеневу.

«Луна, которую делает все тот же самый заезжий хромой бочар в Гороховой», восходит к «Запискам сумасшедшего» Гоголя. Безумный Поприщин, с тревогой ожидающий затмения луны, воображает, что «луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается <...> Делает ее хромой бочар, и видно, что дурак никакого понятия не имеет о луне». Почему, однако, у Достоевского «луну делает» заезжий хромой бочар «в Гороховой», а не в Гамбурге? Возможно, это контаминация (сознательная или бессознательная) двух гоголевских образов: оба они плоды больной фантазии безумного Поприщина — хромого бочара из Гамбурга и близкого ему по смыслу образа «какого-то цырюльника», который «живет в Гороховой» и вместе с турецким султаном «хочет по всему свету распространить магометанство».⁷

Возможно также, что Гороховая — просто топографическая деталь, которая служит Достоевскому для обозначения места действия «заезжего бочара» (Петербург, Россия).⁸

Итак, «прескверно сделанная луна» — это «просвещенный» европейский взгляд на Россию и русский народ заезжего иностранца (немца), т. е. человека, чуждого России, не знающего и не понимающего ее, глядящего на нее сквозь иностранные очки. Таким «заезжим иностранцем» предстает в пародийном освещении Достоевского автор «Дыма» и «Нови».

Достоевский не только не забыл, что «хромой бочар» у Гоголя немец, но подчеркнул эту деталь. Представление о Тургеневе как о «немце» укоренилось у Достоевского со времени их ссоры в Бадене по поводу «Дыма». Достоевский приписал Тургеневу слова: «...я сам считаю себя за немца, а не за русского и горжусь этим!» (письмо к А. Н. Майкову от 16/26 апреля 1867 — П., II, 32). Любовь к Германии, уважение к ее культуре, о чем Тургенев неоднократно заявлял в печати, Достоевский ядовито обыграл в образе Кармазинова.⁹ «Хромота» бочара — это намек не только на реальную подагру Тургенева, но и на «ущербность»

⁶ Очевидно, намек на недавно опубликованную вторую часть «Нови».

⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. III. М., 1938, с. 212, 210.

⁸ С декабря 1851 по май 1852 г. Тургенев проживал в Петербурге по адресу: Малая Морская ул., угол Гороховой ул., дом Гиллерме, кв. 9 (см.: Назарова Л. Н. И. С. Тургенев. — В кн.: Литературные памятные места Ленинграда. Л., 1968, с. 446—447; ср. с. 621).

⁹ Подробнее об этом см.: Буданова Н. Ф. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы». — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования, т. 1. Л., 1974, с. 164—188.

его таланта (Достоевский дал отрицательную оценку роману «Дым» и ряду повестей и рассказов Тургенева конца 1860-х—1870-х годов, не раз отмечал в письмах, что Тургенев «выдохся», «исписался»).

Скрытый пафос главки «Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающие делать луну в Гороховой» — в противопоставлении Пушкина как истинно русского человека и патриота, воплотившего в себе лучшие черты нации, «западнику-космополиту» Тургеневу, что подтверждается и заглавием главки. Под одним из «неизвестнейших русских великих людей» Достоевский подразумевает Пушкина.

Обращение Достоевского, увлеченного в 1870-е годы «славянским вопросом», к стихотворениям Пушкина «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и циклу «Песни западных славян», глубоко закономерно. Достоевскому импонировали пушкинские идеи могучего русского государства и возглавляемого им всеславянского единения. Строки Пушкина: «Славянские ль ручки сольются в русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос» — Достоевский мог бы поставить эпиграфом к своим высказываниям на славянскую тему.

В этой же главке Достоевский сочувственно цитирует «Песню о битве у Зеницы Великой» из цикла Пушкина «Песни западных славян» и говорит о «пророческом и политическом значении этих стихов»: «Факт тогдашнего появления у нас этих песен важен: это предчувствие славян русскими, это пророчество русских славянам о будущем братстве и единении» (25, 39).¹⁰

«Это был уже русский, настоящий русский, сам, силою своего гения, переделавшийся в русского, — пишет Достоевский о Пушкине, — а мы и теперь все еще у хромого бочара (т. е. у западника, — Н. Б.) учимся». Пушкин, продолжает далее Достоевский, показал, «как должен глядеть русский человек — и на народ свой, и на семью русскую, и на Европу, и на хромого бочара, и на братьев славян. Гуманнее, выше и трезвее взгляда нет и не было еще у нас ни у кого из русских» (25, 39—40).

2

Достоевский трезво оценивал тяжелое состояние народа в пореформенной России. В публицистических произведениях 1870-х годов он неоднократно писал о нищете, темноте, невежестве и общественной пассивности народа, о засилии в современной русской деревне кулаков и кабаков (см., например, статьи «Нечто личное», «Влас», «Мечты и грезы» в «Дневнике писателя» за 1873 г., январский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г.; ср. статьи «Пожар в селе Измайлове», «Стена на стену» в «Гражданине» 1873 г.).

¹⁰ Ср. с характеристикой «Песен западных славян» в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г.

Почему же в таком случае Достоевского глубоко возмутила в романе «Новь» картина спящей непробудным сном народной России?

Объяснение этому следует искать прежде всего в различных взглядах писателей на народ и на характер взаимоотношений с ним интеллигенции.

В статье «Влас» («Дневник писателя» за 1873 г.) Достоевский раскрывает противоречивые черты психологического облика человека из простонародья, присущие, по его мнению, и русскому народу в целом. К этим чертам относятся: «забвение всякой меры во всем»; «потребность хватить через край», дойти во всем (в любви, ненависти, разгуле, нравственном падении и т. д.) «до последней черты»; потребность отрицания всего, «самой главной святыни сердца своего». «Но зато, — добавляет писатель, — с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасет себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, т. е. когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва — порыва отрицания и саморазрушения <...> в восстановление свое русский человек уходит с самым огромным и серьезным усилием, а на отрицательное прежнее движение свое смотрит с презрением к самому себе» (25, 35—36).

Знаменательно, что символом русского народа уже в 1873 г. для Достоевского становится некрасовский Влас.¹¹ «Современный Влас быстро изменяется, — пишет Достоевский. — Там внизу у него такое же кипение, как и сверху у нас, начиная с 19 февраля. Богатырь проснулся и расправляет члены...» (21, 41).

Тургенев, признавший справедливыми упреки в одностороннем, негативном изображении крестьянской массы в «Нови», дал этому факту следующее объяснение: «Что же касается до изображения крестьян, то тут, с моей стороны, была некоторая преднамеренность. Так как мой роман не мог захватить и их (по двум причинам: во-1-х, вышло бы слишком широко, и я бы выпустил нити из рук; во-2-х, я не довольно тесно и близко знаю их *теперь* — чтобы быть в состоянии уловить то еще неясное и неопределенное, которое двигается в их внутренностях), то мне осталось только представить ту жесткую и терпкую сторону, которою они соприкасаются с Неждановыми, Маркеловыми и т. д.» (Т, Письма, XII₁, 39).

Нежданов уподобляет народ Джаггернаутовой колеснице, под которую добровольно бросаются народники, совершая трагическую жертву.

¹¹ Подробнее об этом см.: Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов. — В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 33—66. См. также комментарий А. В. Архиповой к статье «Влас» в «Дневнике писателя» за 1873 г. (21, 396—401).

Картина спящей непробудным сном народной России в романе «Новь» Достоевского возмутила прежде всего потому, что, по его мнению, Тургенев не сумел увидеть в русском народе ничего, кроме повального пьянства, нравственной и общественной спячки («спящее, гадкое, пьяное существо <...> с колоссальным штофом в руках», «пьяная баба со штофом в руках» — 25, 38, 69), и проглядел, что «богатырь проснулся»; горячее сочувствие русского народа угнетенным славянам в 1876—1877 гг. и самоотверженная готовность помочь им для Достоевского — свидетельство нравственного пробуждения народа.¹²

Отдельные реплики персонажей «Нови», характеризующие их негативное отношение к «восточному вопросу», Достоевский мог расценить как непонимание Тургеневым великой нравственной идеи всечеловеческого служения, лежащей в основе народного движения в защиту славян, т. е. непонимание «всеотзывчивости» русского народа, как национальной идеи, гениально угаданной Пушкиным.

Так, в частности, Нежданов, потерявший веру в «дело» («хождение в народ»), пишет «другу Силину»: «Право, мне кажется, что если бы где-нибудь теперь происходила народная война — я бы отправился туда не для того, чтобы освободить кого бы то ни было (освободить других, когда свои несвободны!!), но чтобы покончить с собою...» (Т, Соч., XII, 225). В конце романа Паклин иронизирует над «внезапными исцелителями общественных ран», которым противопоставляет Соломина с его программой медленного, постепенного преобразования русского общества: «Потому ведь мы, русские, какой народ? Мы все ждем: вот, мол, придет что-нибудь или кто-нибудь — и разом нас излечит, все наши раны заживит, выдернет все наши недуги, как больной зуб. Кто будет этот чародей? Дарвинизм? Деревня? Архип Перепентьев? Заграничная война? Что угодно! Только, батюшка, рви зуб!! Это все — лень, вялость, недомыслие.¹³ А Соломин не такой: нет, он зубов не дергает — он молодец!» (Т, Соч., XII, 295).¹⁴

¹² А. И. Батюто высказал спорное, на наш взгляд, предположение, будто, «сочиняя стихотворение „Сон“, Тургенев находился под определенным воздействием публицистики Достоевского (Батюто А. И. Достоевский и Тургенев в 60—70-е годы. — Русская литература, 1979, № 1, с. 63). Тема тяжелого положения пореформенного крестьянства, как известно, была широко распространена в литературе и публицистике 60—70-х годов. В данном случае речь идет не о степени пессимизма во взгляде на народ Тургенева и Достоевского, а скорее о различных концепциях народа, т. е. о разногласиях принципиального характера.

¹³ Напомним, что непонимание Левиным высокой нравственной идеи, лежавшей в основе народного движения за освобождение болгар, Достоевский расценил как «обособление» толстовского героя, его разобщение с народом. Этот факт послужил толчком к существенной переоценке Достоевским «чистого сердцем» Левина (ср. «Дневник писателя» за 1877 г., выпуски за июль—август и февраль).

¹⁴ Вопрос об отношении Тургенева, Достоевского и Толстого к «восточному вопросу» выходит за рамки данной статьи. Отметим только, что Тургенев, осуждавший официальную политику правящих кругов России

В последующих главках февральского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский продолжает скрытую полемику с Тургеневым.

Суждения Достоевского о русских деятелях и характере их деятельности, встречающиеся в главках, посвященных текущей политике и анализу романа «Анна Каренина», навеяны в значительной степени размышлениями писателя над романом «Новь» и его героями.

В главке «О сдирании кож вообще, разные aberrации в частности» Достоевский пишет об идейной нравственной «шатости» русского интеллигентного человека, готового, следуя моде, постоянно менять свои убеждения. Недостаточно только найти нравственные правила, отмечает писатель, нужно подготовить себя к их приятию: «...осмыслить и прочувствовать можно даже и верно и разом, но сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека. Тут дисциплина» (25, 47).

Идеал всеобщего счастья, теоретически провозглашенный «мыслителями», по мнению Достоевского, не может осуществиться с «недоделанными людьми»: «Вот в этой-то неустанной дисциплине и непрерывной работе самому над собой и мог бы проявиться наш гражданин, — рассуждает писатель. — С этой-то великодушной работы над собой и начинать надо, чтоб поднять потом пашу „Новь“, а то незачем выйдет и подымать ее» (25, 47).

Итак, работе интеллигенции в народе должна предшествовать «великодушная работа над собой».

Достоевский подверг критике и идею деятельности «во имя интересов европейской цивилизации» (формула, часто употреблявшаяся Тургеневым),¹⁵ ибо именно «интересами европейской

на Балканах, в то же время горячо сочувствовал героической национально-освободительной борьбе южных славян, о чем свидетельствуют, в частности, его произведения «Крокет в Виндзоре» и «Памяти Ю. П. Вревской». См.: Т, Соч., XIII, 648—649, 694; Письма, XI—XII; Назарова Л. Н. И. С. Тургенев и Ю. П. Вревская. — Русская литература, 1958, № 3, с. 185—192; Никитина Н. С. Крокет в Виндзоре. — В кн.: Тургеневский сборник, т. III. Л., 1967, с. 149—153; Велчев В. Тургенев и Болгария. София, 1961; Величкина И. И. И. С. Тургенев и война за освобождение балканских стран. — В кн.: Вопросы русской литературы. М., 1970, с. 251—266; Волгин И. Л. Нравственные основы публицистики Достоевского. (Восточный вопрос в «Дневнике писателя»). — Известия АН СССР, Отд-ние литературы и языка, 1971, т. XXX, вып. 4, с. 312—324; Вильчинский В. П. Славянская тема в русской литературе 1870-х годов. — Русская литература, 1973, № 3, с. 118—131; Христов Б. Към полемиката между Ф. М. Достоевски и Л. Н. Толстой по т. нар. «източен въпрос» и освобождението на България. — В кн.: Освобождението на България и литературата. София, 1978, с. 124—149; Фридлендер Г. М. Достоевский и Лев Толстой. — В кн.: Фридлендер Г. М. Достоевский и мировая литература. М., 1979, с. 201—211.

¹⁵ Потугин является теоретиком-пропагандистом идеи служения европейской цивилизации; программу практического претворения ее лучших достижений в народе призван осуществить, по замыслу Тургенева, Соломин.

цивилизации» западные государства объяснили свой отказ поддерживать борьбу за свободу угнетенных славян. «Интересы цивилизации, — иронизирует по этому поводу Достоевский, — это производство, это богатство, это спокойствие, нужное капиталу» (25, 48).

Основная же черта «нового человека» (характерная для русской нации) — «искание правды», готовность ради нее на любые жертвы. Разумеется, речь идет о народной нравственной правде, как ее понимал Достоевский. Не случайно в «Дневнике писателя» за 1877 г. писатель с особой симпатией отметил в «чистом сердце» Левине чувство вины перед народом и поиски им смысла жизни у простого мужика (см. главку «Помещик, добывающий веру в бога от мужика»). Достоевский сравнил Левина с некрасовским Власом, который символизировал для писателя русский народ в его исканиях и внутренней борьбе.

В желании обрести истину, пишет Достоевский о Левине, он «дойдет до последних столпов, и если надо <...> он обратится в „Власа“, который роздал свое имение в припадке великого умиления и страха». «И если и не на построение храма пойдет собирать, — добавляет Достоевский, — то сделает что-нибудь в этих же размерах и с такою же ревностью» (25, 56—57; главка «Злоба дня»).

Эта же черта — стремление к правде — объединяет, по мнению Достоевского, многих русских людей «нового корня», принадлежащих к различным социальным слоям и имеющих различные убеждения.

Русскому «делателю» Достоевский не предлагает никакой конкретной программы деятельности: человек, преисполненный деятельной любовью и желающий принести пользу, сам найдет правильный путь. «Надо делать только то, что велит сердце, — советует писатель: — велит отдать имение — отдайте, велит идти работать на всех — идите, но и тут не делайте так, как иные мечтатели, которые прямо берутся за тачку: „Дескать, я не барин, я хочу работать как мужик“. Тачка опять-таки мундир <...> Не раздача имения обязательна и не надевание зипуна: все это лишь буква и формальность; обязательна и важна лишь *решимость ваша делать всё ради деятельной любви*, всё, что возможно вам, что сами искренно признаете для себя возможным. Все же эти старания „опроститься“ — лишь одно только переряживание, невежливое даже к народу и вас унижающее. Вы слишком „сложны“, чтоб опроститься, да и образование ваше не позволит вам стать мужиком. Лучше мужика вознесите до вашей „осложненности“. Будьте только искренни и простодушны; это лучше всякого „опрощения“» (25, 61).

Собственно к Левину в приведенном тексте относятся лишь слова о «раздаче имения» крестьянам. Рассуждения же о зипуне, тачке и неудачных попытках интеллигенции сблизиться с народом относятся в большей мере к «Нови», что подтвержда-

ется и употреблением Достоевским тургеневского словечка «опроститься».¹⁶

Далее Достоевский развивает идеи, смысл которых таков: радикальному переустройству общества на новых основаниях должно предшествовать его нравственное перерождение, так как с «не готовыми, с не выделанными к тому людьми никакие правила не удержатся и не осуществятся, а, напротив, станут лишь в-тягость» (25, 63). Свои надежды на русский прогресс Достоевский возлагал на «наших будущих и уже начинающих людей», которые еще «не спелись», «разбиты на кучки и лагеря в своих убеждениях», «но зато все ищут правды прежде всего». «Поверьте, — заключает Достоевский, — что если они вступят на путь истинный, найдут его наконец, то увлекут за собою и всех, и не насильем, а свободно. Вот что уже могут сделать единицы на первый случай. И вот тот плуг, которым можно поднять нашу „Новь“. Прежде чем проповедовать людям: „как им быть“ — покажите это на себе. Исполните на себе сами, и все за вами пойдут. Что тут утопического, что тут невозможного — не понимаю! <...> А чистым сердцем один совет: самообладание и самоодоление, прежде всякого первого шага. Исполни сам на себе прежде, чем других заставлять, — вот в чем вся тайна первого шага» (25, 63; главка «Русское решение вопроса»).

Это уже прямой ответ Достоевского на вопрос «что делать?» и «чистым сердцем» Левиным, и тургеневским героям, неудачно попытавшимся поднять народную «новь», и всей молодой России, ищущей живого дела.

Признавая необходимость для народа образования («народ чист сердцем, но ему нужно образование» — 25, 63), Достоевский в то же время настороженно относился к самой идее, что интеллигенция должна нести в народ идеалы, уже «готовые», раз навсегда выработанные европейской цивилизацией. Прежде чем учить других, полагал Достоевский, интеллигенция, нравственно разобщенная с народом, должна сама «выделаться» в истинно русских людей, вернуться на родную почву, соединиться с народной правдой. «Невыделанными» людьми, очевидно, были в представлении Достоевского и герои Тургенева (в том числе Соломин), вознамерившие поднять «плугом» народную «новь».

¹⁶ Тургенев впервые услышал слово «опроститься» от одной московской мещанки (по другим сведениям — от старой крестьянки в Спасском), и оно поразило писателя своей меткостью и точностью. «Будет в нем (т. е. в романе «Новь», — Н. Б.) одно слово, которое может сделаться таким же популярным, как слово „нигилист“, — очень уж оно метко выражает стремление современной молодежи. Только не я его нашел... Я пока держу его в секрете», — так передает Н. А. Островская свой разговор с Тургеневым летом 1876 г. По свидетельству этой мемуаристки, мещанка употребила глагол, а Тургенев образовал из него прилагательное («опростелый»), определяющее «человека, который совсем желает сделаться простолюдином» (Островская Н. А. Воспоминания о Тургеневе. — В кн.: Тургеневский сборник. Под ред. Н. К. Пиксанова. Пг., 1915, с. 129—130. Ср. с воспоминаниями Е. И. Апрелевой-Бларамберг: Новороссийский телеграф, 1883, 6 сентября, № 2571).

Итак, в представлении Достоевского «плуг», который поднимет народную «новью», — это «чистые сердцем» образованные люди, близкие к народной правде (или по крайней мере ищущие ее), объединенные идеей деятельной любви. Они увлекут за собою всех, «и не насильем, а свободно».

«Европейскому» («насильственному») решению вопроса о социальной справедливости (а именно этому пути следуют молодые герои-народники «Нови»), Достоевский противопоставил как исходный пункт «русское решение вопроса» — «постановку вопроса нравственную» (25, 60).

4

Обратимся теперь к черновым наброскам, посвященным «Нови», в записной тетради 1877 г. В них отразилось первое, самое общее впечатление Достоевского от романа Тургенева, частично реализованное в январском и февральском выпусках «Дневника писателя» за 1877 г. Попробуем расшифровать эти записи на основе высказанных выше соображений о скрытой полемике Достоевского с автором «Нови» на страницах «Дневника писателя».

Первая запись навеяна размышлениями писателя о современном молодом поколении, изображенном им самим в «Бесах» и Тургеневым в «Нови»: «Повреждения ума, а не сердца. Кирилловы, богочеловек, человекобог, необразованность от ничегонеделания. Непонимание современного человека. „Новь“» (25, 226).

Любопытна мысль Достоевского о Кириллове как представителе современного молодого поколения: для последнего (очевидно, и для героев «Нови») характерно «повреждение ума, а не сердца», т. е. чистое сердце и умственные заблуждения, «шаталия», безверие. «Непонимание современного человека» автором «Нови» — это, возможно, ошибочные, с точки зрения Достоевского, представления Тургенева об искомом национальном деятеле и характере его деятельности.

Наше предположение подтверждается следующей записью: «NB. Тирада об том, что чем более мы будем национальны, тем более мы европейцами (всечеловеками). Тогда-то, может быть, создастся этот тип в первый раз, которого теперь нет и который только в мечтах у всех русских даже самых противоположных направлений (славянофилы, националы, красные и проч.). Пора перестать стыдиться своих убеждений, а надо высказать их.

NB. Ошибка ума, а не сердца и проч. <...> Идея. Заразить душу своим влиянием. Влас. Виктор Гюго» (25, 227).

Путь русского прогресса Тургенев связывал с задачей усвоения Россией высших достижений европейской цивилизации, проводниками которой в народе должны явиться лучшие представители демократической интеллигенции типа Соломина. Для Досто-

евского необходимейшая предпосылка русского прогресса — нравственное воспитание и совершенствование как отдельного человека, так и общества в целом (именно поэтому Достоевский вспоминает своих любимых героев, способных «заразить душу влиянием», — некрасовского Власа и Жана Вальжана В. Гюго).¹⁷

Высший русский национальный тип по Достоевскому — это «всечеловек», носитель идеи всечеловеческого служения и гармонического разрешения европейских противоречий. Этот тип должен возникнуть на основе синтеза лучших европейских и русских национальных начал, и прежде всего «всечеловечности» — отличительной и характерной, по мнению писателя, черты русской нации.¹⁸ «Всечеловека», как подлинно русского, а потому и истинного европейца, Достоевский противопоставляет «общечеловеку», т. е. русскому западнику-космополиту, утратившему свое национальное лицо (подобным «общечеловеком» в представлении писателя был Потугин).

Две последующие записи непосредственно посвящены истолкованию идейного смысла «Нови»:

«92-я страница „Нови“. Наша демократия так же древна, как и Россия, а у тех с 89-го года (мысль Мещерского). Ответ автору „Нови“».

«Мы свободны с начала русской земли. Европействующие хотят <...> разврата. Но есть уже сильное ядро *сознающих*. Хотя у европействующих литература. Сатира. Подкладки нет. Нечего было бы сказать. *Новь* — вот тайная мысль автора. Вот вам и Потугин! Вот подкладка сатиры Потугина. Нам нечего волноваться революцией, ибо мы уже 1000 лет как свободны» (25, 228).

Эти записи, объединенные общей идеей, очевидно относятся ко времени знакомства Достоевского с первой частью «Нови», так как в одной из них, как и в отзыве о «Нови» в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., Достоевский связывает основную мысль романа Тургенева с 92-й страницей январской книжки «Вестника Европы» 1877 г. (описание в первой части романа ночной сходимки у Маркелова и разговоров о предстоящей революции, в близость которой Соломин не верил, но относился с сочувствием к личностям и целям молодых революционеров, так как «сам был из народа»).

«Европействующим», т. е. русским западникам, Достоевский противопоставляет «сознающих», т. е. русских «почвенников». Сатира в понимании Достоевского необходимо должна содержать хотя бы «в подкладке», т. е. в подтексте, положительный идеал

¹⁷ Ср. с черновой записью: «NB. О том, что великая идея передается таким душам, которые, по-видимому, и подозревать невозможно, что они заняты высшими идеями жизни: Фома-Мученик, Влас, Жан Вальжан» (25, 226).

¹⁸ Ср. с черновой записью 1876 г.: «Мы настолько же русские, насколько и европейцы, всемирность и общечеловечность — вот назначение России» (24, 309).

автора. В «подкладке» сатиры «Нови» (критическое изображение Тургеневым современной России и ее правящих классов) Достоевский усмотрел тайное сочувствие автора «Нови» революционному, т. е. «европейскому», насильственному пути преобразования и демократизации России. У Достоевского же представление о русской «исконной демократии» опирается на славянофильскую идеализацию государственного и общественного строя Древней Руси.

Приведенные выше записи 1877 г. свидетельствуют, что Достоевский истолковывал тургеневский символ «новъ» двояко: это не только русский народ, который молодые народники трагически безуспешно пытаются поднять на борьбу, но и грядущая революция, та социальная «новъ», которой Тургенев втайне сочувствует.

Именно таков подтекст возражения Достоевского Тургеневу об «исконной демократии» России.

5

Трудно сказать, входила ли в творческие планы Тургенева сознательная полемика в «Нови» с автором «Бесов» и «Дневника писателя» за 1876 г. или же она была неосознанной и явилась следствием различных взглядов писателей на актуальные проблемы русской действительности 1870-х годов.¹⁹ Речь идет прежде всего о комплексе проблем, связанных с народом (концепция русского народа, задачи и характер сближения с ним интеллигенции, пути русского прогресса и его движущие силы, перспективы развития пореформенной России и некоторые другие), занимающих видное место в названных произведениях Достоевского и Тургенева.

В «Бесах» Тургенев присутствует не только в качестве Кармазинова, но и как автор романов «Отцы и дети» и «Дым», «умный оппонент» Достоевского, видный представитель современных русских западников. Аналогичный случай наблюдаем и в «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский ведет открытую полемику с окарикатуренным им Потугиным (собирает образ крайнего западника-космополита) и скрытую — с его создателем.

Подробные отзывы Тургенева о романе «Бесы» не сохранились. Однако несомненно, что многое в этом романе было писателю идейно чуждо, в том числе его заглавие, евангельский эпиграф, шатовская концепция русского народа — «богоносца», изображение революционной молодежи и т. д. В то же время Тургенев не мог не уловить в «Бесах» серьезной полемики с русскими западниками.

Как известно, писатель возлагал на «Новъ» особые надежды, так как намеревался завершить этим романом свою «литератур-

¹⁹ Этот вопрос никогда не затрагивался исследователями, хотя его научная постановка вполне правомерна.

ную карьеру», рассеять недоразумения, возникшие между ним и читающей Россией со времен «Отцов и детей» и «Дыма» (см. письмо к М. Е. Салтыкову-Щедрину от 3/15 января 1876 г.: Т, Письма, XI, 190).

В письме к М. М. Стасюлевичу от 22 декабря 1876 г./3 января 1877 г. Тургенев изложил те «соображения», которыми он руководствовался при сочинении «Нови».

«Молодое поколение, — писал Тургенев, — было до сих пор представлено в нашей литературе либо как сброд жуликов и мошенников — что, во-первых, несправедливо — а во-вторых, — могло только оскорбить читателей-юношей как клевета и ложь, либо это поколение было, по возможности, возведено в идеал, что опять несправедливо — и сверх того, вредно. Я решился выбрать среднюю дорогу — стать ближе к правде; взять молодых людей, большею частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско» (Т, Письма, XII, 43—44).

Не возводить молодое поколение в идеал, не оскорблять его наименованием «бесы», а помочь ему выбрать правильный путь служения России, делу русского прогресса — так мог формулировать автор «Нови» свою задачу.

Сопоставление эпиграфов к «Бесам» (в данном случае речь идет об евангельском, а не пушкинском эпиграфе) и к «Нови» наводит на мысль о сознательной полемике Тургенева с Достоевским. В обоих случаях емкие смысловые заглавия символичны, эпиграфы служат своеобразным ключом для расшифровки заглавий, причем эпиграфы представляют собой аллегории, раскрывающиеся путем дополнительного авторского истолкования.

Источником первого (и основного) эпиграфа к роману «Бесы», повествующего об исцелении Христом гадаринского бесноватого, послужило Евангелие от Луки (VIII, 32—36). Оттуда же возникло и заглавие романа. Смысл символа «бесы» и евангельского эпиграфа к роману был раскрыт Достоевским в ряде писем (наиболее подробно в письмах к А. Н. Майкову от 9/21 октября и 15/27 декабря 1870 г.; см.: П., II, 291 и 301).

Если источником эпиграфа к роману «Новь» действительно явились, как указал сам Тургенев, «Записки хозяина-агронома», т. е. какой-то сельскохозяйственный справочник, то, разумеется, оттуда же возникло и заглавие «Новь».²⁰

²⁰ См. эпиграф: «Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом. (Из записок хозяина-агронома)». Разыскать точный источник заглавия и эпиграфа к «Нови» пока не удалось. Подобная попытка была предпринята В. А. Громовым, обследовавшим сельскохозяйственные справочники родовой библиотеки Тургенева в Спасском-Лутовинове. См.: Громов В. А. О заглавии, эпиграфе и некоторых реальных источниках романа. — В кн.: Тургеневский сборник, т. V. М.—Л., 1969, с. 313—318.

Тургенев, как и автор «Бесов», чрезвычайно дорожил найденными им заглавием и эпиграфом к роману, так как они отчетливо раскрывали авторский замысел произведения в целом (разъяснения эпиграфа содержатся в письмах Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 26 июля/7 августа 1876 г. и 22 декабря 1876/2 января 1877 г. — Т, Письма, XI, 299 и XII₁, 43—44).

Следует обратить особое внимание на тот факт, что «Новь» — единственный роман Тургенева, снабженный эпиграфом²¹ (предшествующие «Бесам» романы Достоевского также не имеют эпиграфов). Тургенев, избегавший в своем творчестве прямых авторских деклараций, в данном случае отступил от этого правила, так как считал эпиграф необходимым ключом для раскрытия идейного содержания романа.

Наиболее распространенный смысл понятия «новь» в истолковании словарей русского языка — никогда не паханная земля, целина («новь» означает также хлеб нового урожая, а в переносном значении — что-либо новое, вновь появляющееся, возникающее).

«Новь, — разъясняет В. Даль, — непашь, залог, целина». «Подымать или ломать нови, новину — пахать целину». «Новь также хлеб новинный, местами овощ, слетье, вообще что впервые на году появилось».²²

Тургенев выбрал первый, наиболее употребительный смысл понятия «новь», а именно невозделанная земля, еще не паханная целина, доказательством чему и служит эпиграф к роману, разъясняющий, как следует пахать новь.

Под «новью», непочатой целиной, которую необходимо возделывать глубоко забирающим плугом, чтобы она дала хороший урожай, Тургенев подразумевает русский народ.

«Почва» — синоним понятий «земля» и «целина». Тургенев охотно использует излюбленный символ славянофилов и почвенников, уподоблявших народ почве, тому верхнему слою земли, в котором развивается органическая жизнь, необходимый источник всего сущего. И для Тургенева народ — это почва, основа, фундамент общественного здания, необходимое условие социального прогресса и процветания России в целом. Однако для него это прежде всего невозделанная почва, которую необходимо длительно и тщательно возделывать, чтобы получить богатый урожай.

Эпиграфы к обоим романам (в применении к «Бесам» речь идет об евангельском эпиграфе) содержат указания на пути возрождения и преобразования России, причем эпиграф к «Нови» полемичен по отношению к эпиграфу «Бесов».

²¹ Роман «Дворянское гнездо» в журнальной публикации (Современник, 1859, № 1) имел эпиграф из сборника Кирши Данилова, но был снят в последующих изданиях романа. Тургенев отказался и от своего первоначального намерения снабдить эпиграфом роман «Отцы и дети».

²² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, М., 1979, с. 549.

Идее исцеления и обновления России народной христианской этической правдой, выраженной в эпиграфе романа «Бесы», в эпиграфе «Нови» противопоставлена идея европейского просвещения народа, осуществляемого демократической интеллигенцией; Евангелию от Луки противостоят «Записки хозяина-агронома».

Тургеневу был глубоко чужд образ народа, призванного нравственно излечить больную европеизмом русскую интеллигенцию. Достоевскому же было не менее чуждо тургеневское представление о той невозделанной почве, которую интеллигенция призвана вспахать «глубоко забирающим плугом» европейской цивилизации (по собственному разъяснению Тургенева, «плуг» в романе «не значит революция — а просвещение» — Т, Письма, XI, 299).

«Поверхностно скользящая соха» — не только пропаганда революционных народнических идей в народе; это в то же время различные ложные, с точки зрения Тургенева, «славянофильские» представления о народе и о характере взаимоотношения с ним интеллигенции.

Тургенев расценивал как «славянофильские» всякие чрезмерные «упования» на народ, как революционные (идеализация крестьянской общины Герценом и народниками, рассматривавшими ее как ячейку социализма), так и мирные (надежды славянофилов и Достоевского на исцеление русской интеллигенции посредством народной православной правды).

«Положим, я не славянофил, — писал Нежданов другу Силину, — я не из тех, которые лечатся народом, соприкосновением с ним: я не прикладываю его к своей больной утробе, как фланелевый набрюшник. . . я сам хочу действовать на него, — но как? Как это совершить?» (Т, Соч., XII, 226).

В свое время критик В. Авсеенко, используя тургеневское сравнение, уподобил славянофилов пустопорожним сосудам, которые ластятся к народу в поисках «живой воды». Уподобление отношения славянофилов к народу фланелевому набрюшнику было не менее метко и язвительно. Не лечиться у народа, а лечить его, не просвещаться у народа, а просвещать его — такова была формула Тургенева и западников, определяющая основной характер взаимоотношений интеллигенции и народа.

Общую антиславянофильскую направленность «Нови», выраженную уже в эпиграфе к роману, Достоевский уловил очень чутко и быстро реагировал на нее, как было показано выше, в январском и февральском выпусках «Дневника писателя» за 1877 г.

«Роль образованного класса в России — быть передателем цивилизации народу, с тем чтобы он сам уже решил, что ему отвергать или принимать, — эта в сущности скромная роль, хотя в ней подвизались Петр Великий и Ломоносов, хотя ее приводит в действие революция, эта роль, по-моему, еще не кончена», — писал Тургенев «непоследовательному славянофилу» Герцепу еще в 1862 г. (Т, Письма, V, 51).

В романе «Новь» эта идея, не изменившись по существу, получила дальнейшее углубление и конкретизацию в образе народного просветителя Соломина.

Ограничение самодержавия путем конституции, уничтожение всех пережитков крепостничества, последовательная европеизация во всех областях русской общественной жизни путем дальнейших буржуазно-демократических преобразований «сверху», просвещение интеллигенцией народных масс «снизу» — вот существенные моменты общественно-политической и культурной программы Тургенева в этот период. Причем Тургенев считал, что необходимым условием русского прогресса должно явиться пробуждение, просвещение и постепенное приобщение к сознательному участию в гражданской жизни страны огромных масс освобожденного от крепостной зависимости темного и безграмотного народа, пребывающего в пореформенный период в крайне тяжелом состоянии.

Эту длительную, трудоемкую, незаметную работу и призвана выполнить демократическая интеллигенция, вышедшая из народа, используя возможные легальные формы (народные школы и больницы, земство, артели и др.).

Программа скромной и незаметной, но необходимой просветительской деятельности интеллигенции в народе была изложена Тургеневым в письмах к А. П. Философовой 1874—1875 гг. В России 1870-х годов, пишет Тургенев, время Базаровых уже прошло, и для «предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума — ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение <...> нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже низменной работы» (Т, Письма, X, 295). Далее Тургенев поясняет, что «низменная работа» — это «учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т. д.». «Мы вступаем в эпоху *только полезных людей* ... и это будут лучшие люди <...> Народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего хорового развития, разложения и сложения; ей нужны помощники — не вожаки, и лишь только тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности» (там же, с. 295—296).

Интеллигенции, по мнению писателя, давно пора бросить мысль о «сдвигании гор с места» — «о крупных, громких и красивых результатах», а довольствоваться скромной полезной деятельностью (Т, Письма, XI, 33).²³

²³ Это и ответ Тургенева на давний вопрос Д. И. Писарева, не удовлетворенного образом Литвинова: «Иван Сергеевич, куда вы девали Базарова? <...> Неужели же Вы думаете, что первый и последний Базаров действительно умер в 1859 году от пореза пальца? <...> Если же он жив и здоров и остается самим собою, в чем не может быть никакого сомнения, то каким же образом это случилось, что Вы его не заметили?» (Писарев Д. И. Соч., т. 4. Л., 1956, с. 424—425).

Связь программы общественного служения, изложенной Тургеневым в письмах к А. П. Filosoфовой, с деятельностью Соломина, организовавшего на фабрике у Фалеева больницу, школу, а позднее в Перми завод на артельных началах, несомненна.

Черновые записи в подготовительных материалах к «Нови»: «почва!», «когда не Павлы будут готовы, а Дутики», «Якушкина!»²⁴ — отражают размышления Тургенева о путях русского прогресса. О той реальной почве, на которую могли бы опереться сторонники «безотлагательных действий», спорят в романе Маркелов и Нежданов (главы XVI и XX), ее не видит «трезвый» Соломин, и только Кисляков, в двадцать два года решивший «все вопросы жизни и науки», «отыскал, наконец, почву» (глава XVII).

По мысли Тургенева, русский народ в своей массе (не сознательные Павлы, а темные, невежественные Дутики) не созрел для пропаганды новых идей, и потребуются длительное время для его воспитания и просвещения. Эту задачу и призваны выполнить просветители Соломины. Когда в народе будет много Павлов и когда среди интеллигенции будет много Соломиных, дело русского прогресса быстро двинется вперед.

Соломин в понимании Тургенева не обычный буржуазный «постепеновец», рассчитывающий на реформы «сверху», а «постепеновец снизу», народный деятель и просветитель, веривший в возможность «легального переворота» во имя народа и при помощи народа.²⁵ Убеждение Тургенева в необходимости для русского прогресса деятелей типа Соломина свидетельствует о дальнейшей демократизации его просветительских взглядов: в роли просветителей в «Нови» выступают уже не лучшие представители дворянства, как в «Рудине», «Дворянском гнезде» и «Дыме», а выходцы из народной среды, с которыми писатель связывал надежду на будущее обновление России. Да и самая программа Соломина, рассчитанная на просвещение интеллигенцией широких слоев народа «снизу», несомненно шире и значительнее тех задач, которые ставили перед собой дворянские просветители Лаврецкий и Литвинов, стремившиеся разумно хозяйничать в собственных имениях и тем самым способствовать улучшению быта крестьян. В 1870-е годы подобное служение делу русского прогресса, «европейской цивилизации» уже кажется Тургеневу недостаточным.

Возможно, что в начале 1860-х годов Достоевский с большим сочувствием воспринял бы образ Соломина как полезного деятеля на народной ниве. Ведь распространение интеллигенцией грамот-

²⁴ Павел и Дутик — персонажи романа «Новь». Е. М. Якушкина — мценская помещица, знакомая Тургенева; занималась культурно-просветительской деятельностью среди крестьян.

²⁵ Об идейной близости Соломина к «легалистам», с которыми полемизировал П. Л. Лавров на страницах «Вперед!», см.: Буданова Н. Ф. Тургенев и Лавров в 70-е годы. (Непериодическое обозрение «Вперед!» как источник «Нови»). — В кн.: Тургенев и его современники. Л., 1977, с. 88—109.

ности в народе писатель предлагал в то время в качестве «первого шага» для практического претворения сближения «нашей образованности» с «почвой». В понимании просветительской, цивилизаторской роли интеллигенции по отношению к народу Достоевский во многом сближался тогда с Тургеневым.²⁶ Во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (1861) Достоевский высмеял великие притязания «лишних людей» на грандиозную деятельность и, подобно Тургеневу 1870-х годов, призвал их удовлетвориться скромной просветительской деятельностью в народе: «Научите хоть одного мальчика грамоте; вот вам и деятельность»; «снизойдите, снизойдите до мальчика» — таковы иронические призывы Достоевского, обращение к «нашим талантливым натурам», к «нашим обленившимся байронам» (18, 67—68).

В романе «Новь» близкие идеи развивает Соломин, который советует Марианне, мечтающей о подвиге, ограничиться скромной, незаметной работой среди крестьян: «...ребеночка вы помете или азбуку ему покажете... вот вам и начало»; «шелудивому мальчику волосы расчесать — жертва, и большая жертва, на которую немногие способны» (Т, Соч., XII, 220—221).

Однако в 1877 г. Соломин и его программа не вызвали у Достоевского никакого сочувствия.²⁷

В отличие от Тургенева, связывавшего общественно-политический и культурный прогресс России в первую очередь с необходимостью усвоения русским народом достижений европейской цивилизации, автор «Дневника писателя» за 1876—1877 гг. на передний план выдвигал идею усвоения «европеизированной» русской интеллигенцией нравственных ценностей народа (преклонение перед «народной правдой»), утраченных ею в результате отрыва ее от народа.

Полемика в «Дневнике писателя» 1876—1877 гг. с автором «Дыма» и «Нови» способствовала окончательному формированию комплекса нравственно-философских идей, получивших законченное выражение в Пушкинской речи.

²⁶ О «почвенничестве» Достоевского 1860-х годов и его отношении к западникам и славянофилам см.: Кирпотин В. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966; Фридлендер Г. М. У истоков почвенничества (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч»). — Известия АН СССР, 1971. Серия литературы и языка, № 5, с. 411—416; Нечаева В. С. 1) Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». М., 1972; 2) Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». М., 1975; Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854—1862. Л., 1980. См. также комментарии к томам 18—20 Полного собрания сочинений Достоевского.

²⁷ На основе приведенной выше аналогии между высказываниями о «мальчике» Достоевского и тургеневского Соломина А. И. Батюто в упоминавшейся выше статье «Достоевский и Тургенев в 60—70-е годы» сделал вывод об «единомыслии» Тургенева и Достоевского «в области (...) народного просвещения» (см.: Русская литература, 1979, № 1, с. 43—44). Однако вывод «об единомыслии», базирующийся на сопоставлении взглядов Достоевского начала 1860-х годов и Тургенева второй половиной 1870-х годов, вступает в явное противоречие с реальным фактом неприятия автором «Дневника писателя» за 1877 г. Соломина и его программы.